

Цэнь Цзибай на мгновение застыл, прежде чем осознал, о чём говорит Линь Цзинь.

Кожа Линь Цзиня была светлой. Апрельско-майское солнце, хоть и не палящее, но для того, кто до этого проходил обучение в военном лагере, а после выздоровления большую часть времени проводил во дворе, всё же оставило на открытых участках кожи лёгкий загар. Та же половина лица, что скрывалась под маской, оставалась заметно бледнее. Получился контраст.

В прошлой жизни, когда Цэнь Цзибай увидел шрам Линь Цзиня, тот уже повредил ногу, в семье случилась беда, и от детской беззаботности не осталось и следа. Госпожа Чжоу заперла его в холодном дворце, и из-за неподвижности он почти не выходил из помещений, отчего кожа его стала равномерно бледной.

Да и в те моменты обстановка была слишком напряжённой, чтобы Цэнь Цзибай разглядывал такие мелочи. В этой же жизни, в отрочестве, Линь Цзинь был не столь скрытен, и после нескольких вопросов Цэнь Цзибая выложил причину ношения маски вместе со своими переживаниями.

— Я не буду смеяться, — после паузы серьёзно сказал Цэнь Цзибай. Носить такую маску было в самом деле неудобно: зимой холодно, летом — душно, не продохнуть, да ещё и на солнце раскаляется.

Если бы Линь Цзинь мог её снять, зачем бы тогда мучился? Посмеет кто заикнуться о его внешности — Цэнь Цзибай первый с ним разберётся.

Тронутый ли искренностью Цэнь Цзибая или же из-за собственной неприязни к маске, Линь Цзинь после минутного колебания добавил:

— Если посмеёшься надо мной... я прогоню тебя и больше не пущу в наш дом.

Цэнь Цзибая рассмешил его вид, но он тут же подавил улыбку и твёрдо кивнул:

— Сяочу не обманет. Не обманет третьего брата.

Услышав это, Линь Цзинь опустил голову и на самом деле снял маску, обнажив на левой щеке три белесых шрама. Самый длинный из них тянулся от внешнего уголка глаза до уголка рта, придавая лицу пугающий вид.

Сердце Цэнь Цзибая сжалось. Он протянул руку и осторожно коснулся шрама. Ему вдруг захотелось обнять Линь Цзиня, поцеловать эти раны, сказать, что он вовсе не уродлив. Если бы в прошлой жизни он раньше осознал свои чувства... Но перед ним был не тот Линь Цзинь, что стал его королевой.

Сняв маску, Линь Цзинь почувствовал, будто дышать стало легче. Лёгкий ветерок, пахнувший травой, ласково коснулся кожи. Но пальцы Цэнь Цзибая, покрытые лёгкой шероховатостью, вызвали на щеке зуд, дыхание спёрло. Линь Цзинь опустил взгляд. Казалось, следовало убрать эту руку, но прикосновение было приятнее ветерка, и он не хотел его прерывать.

— Уродливо, правда? — тихо спросил Линь Цзинь, и лицо его слегка зарделось.

— Нет, — не задумываясь, ответил Цэнь Цзибай. — Третий брат — самый лучший. Самый красивый.

Линь Цзинь покраснел ещё сильнее, прикрыл шрам ладонью и с лёгким укором пробормотал:

— Обманываешь. Это же явно... уродливо...

Цэнь Цзибай тоже улыбнулся:

— Я не обманываю третьего брата.

Линь Цзинь, глядя на его улыбку, почувствовал, как сердце забилось чаще, а по лицу разлился жар. Он поднялся с земли и, словно спасаясь бегством, вернулся в комнату, накрывшись с головой одеялом.

Когда жар спал, он снова подумал о матери, о семье. Мать, увидев его лицо, расстроится. Но даже когда он носил маску, в её взгляде читалась боль.

— Третий брат... — Цэнь Цзибай тоже вошёл в комнату и, увидев странное выражение лица Линь Цзиня, не знал, беспокоит ли того всё ещё его внешность.

Линь Цзинь выглянул из-под одеяла, пристально посмотрел на него и наконец решился:

— Если кто спросит, скажу, что ты заставил меня снять.

Цэнь Цзибай на миг остолбенел, но в конце концов не сдержал усмешки и сказал:

— Ладно.

Если кто спросит, зачем он снял маску, зачем выставил напоказ своё уродливое лицо, или если мать снова заплачет...

Линь Цзиню будет неловко, мучительно неловко, и он не знает, как справиться с этим. Пусть Цэнь Цзибай разделит с ним эту ночь.

Вечером в столовой вся семья Линь увидела Линь Цзиня без маски: одна половина лица — прекрасна, другая — уродлива и пугающа.

Но никто не задал вопросов. Госпожа Линь смахнула слёзы, с трудом выдавила улыбку и пригласила всех к столу. Даже Линь Сюнь понимал, что спрашивать третьего брата не стоит.

Он больше не считал, что носить маску — загадочно и интересно, как в детстве. Понимал: даже под маской шрамы брата не исчезнут. А скрывать их — значит позволять другим не видеть, делать вид, будто ничего нет. Но третьему брату приходится нести это бремя в одиночку.

Однако, глядя на лицо Линь Цзиня, на контраст цвета кожи, Линь Сюнь не удержался и прыснул...

Линь Цзинь швырнул в него свирепый взгляд. Линь Сюнь поспешно набил рот едой и подавился. Хлебнув воды, он перестал смеяться. Впрочем, третьему брату и так хорошо — выглядит внушительно.

Линь Цзинь молча ел. Поддержка семьи утешала, и он невольно снова подумал о Цэнь Цзибае. Это тот освободил его от оков. Цэнь Цзибай всегда знал, чего он хочет... Но у него самого была забота семьи, а у Цэнь Цзибая — нет. Госпожа Чжоу жестока, правитель Ся безрассуден. Такие родители — хуже, чем никаких.

Сяочу... Линь Цзинь вдруг потерял аппетит. «Есть без вкуса» — вот как это называется. Когда он думал о Цэнь Цзибае, сердце наполнялось радостью и горечью, вытесняя все прочие мысли.

На следующий день Линь Цзиню исполнилось четырнадцать. Он, вопреки привычке, встал поздно. Госпожа Линь сама приготовила лапшу долголетия, но именинника всё не было, и она собралась послать за ним.

Из-за «тяжёлой болезни» Линь Цзиня преподаватель Великой академии разрешил Линь Сюню остаться дома, чтобы провести день рождения с третьим братом. Линь Сюнь уже изрядно проголодался, но вся семья ждала, пока встанет виновник торжества. Получив от матери приказ, он побежал во двор Линь Цзиня подразнить брата за поздний подъём.

Линь Сюнь без стука ворвался в комнату. Линь Цзинь, словно очнувшись, дёрнулся и закутался в одеяло. В летний зной он, подобно рису в листьях, укрылся ещё плотнее.

— Третий брат? — Линь Сюнь подошёл к кровати, увидел, что Линь Цзинь сильно покраснелся, и решил, что у того жар. Он протянул руку, чтобы проверить температуру, но Линь Цзинь резко отшлёпал его.

Линь Сюнь жалобно вскрикнул, но Линь Цзинь не обратил на него внимания, только махнул рукой, прогоняя.

— Мать сварила тебе лапшу, — уже на пороге вспомнил Линь Сюнь цель визита. — Сейчас размокнет.

Линь Цзинь кивнул и осознал: сегодня его день рождения. Четырнадцать лет... Неудивительно, что приснился такой сон...

Полгода тренировок в подразделении Шэшэн, новобранцы большей частью старше, а в армии разговоры ведут откровенные — вот откуда Линь Цзинь узнал, что такое Терем Весенних Желаний. Он смутно понимал кое-что, но лишь прошлой ночью граница между взрослым и ребёнком проступила отчётливо.

— Сяочу... — Линь Цзинь прикрыл лицо руками, снова погружаясь в сон. Он, как вчера, прижал Сяочу к земле, но они обнялись. Сяочу провёл рукой по его лицу, улыбнулся и назвал «третьим братом». Как же прекрасно это звучало! Отозвавшись на зов, Линь Цзинь поцеловал его в губы...

Сердце забилось чаще. Чем больше он вспоминал сон, тем слаще и радостнее становилось. Нужно жениться на красавице... Если это будет Сяочу, то он достаточно красив, правда?

Но Сяочу должен стать правителем Ся, а в истории не бывало, чтобы правители выходили замуж. А семья Линь, поколениями служившая генералами, придавала огромное значение потомству — среди предков тоже не было случаев, чтобы мужчина выходил замуж.

Он не осознавал, что забегает вперёд, и не думал о том, что будет, если Цэнь Цзибай не согласится... Немного поволновавшись, он снова не мог не думать о своём Сяочу, радуясь, но через миг снова беспокоясь.

Когда Линь Цзинь наконец успокоился, он уже давно сидел на кровати. Он решил: неважно, кто женится, а кто выходит замуж, лишь бы это был Сяочу. Если нет прецедента — они его создадут.

Многого Линь Цзинь пока не мог предвидеть, а если и мог, то вряд ли считал бы это проблемой. Подсознательно он уже считал Цэнь Цзибая своим.

<http://bllate.org/book/15933/1424044>